

Н. Лейкин

Кусок хлеба

Повесть

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Н11

Н11 **Н. Лейкин**
Кусок хлеба: Повесть / Н. Лейкин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 123 с.

ISBN 978-5-518-11159-2

Для взрослых. № 142. Кусок хлеба. Повесть, Н.А. Лейкина. - 4-е изд.,
Москва: тип. И.Д. Сытина и К^о: 1893.

ISBN 978-5-518-11159-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

димо, на что-то рѣшился и подошелъ къ женщинѣ.

— Миленькая, не во гнѣвъ вамъ...погодьте... — проговорилъ онъ и передвинулъ шапку со лба на затылокъ.

Женщина остановилась. Мужикъ распахнулъ полушубокъ, подѣлъ въ карманъ портовъ и вытащилъ оттуда засаленную бумажку.

— Ежели грамотѣ знаете, такъ прочтите, что тутъ прописано?..

— Нѣтъ, мы не обучены. Да ты бы у мужчинъ попросилъ. Эво сколько! Не здѣшній, что ли?

— Нѣту-ти, родная. Мы, значить, тверскіе... Сейчасъ только съ чугулки.

— У мужчинъ спроси...—добавила женщина и пошла своей дорогой.

Немного погода, мужикъ остановилъ какую-то дубленку, повидимому бучера, въ валенкахъ, кошачьей шапкѣ и желтыхъ рукавицахъ.

— Землякъ, вы неграмотные будете?—спросилъ онъ его.

— А что?

— Да вотъ, что тутъ прописано?.. Земляка да дочку сыскать надо.

Дубленный тулупъ взялъ записку, повертѣлъ ее въ рукахъ, почесалъ у себя въ затылкѣ и началъ

про себя складывать буквы. Мужикъ стоялъ и смотрѣлъ ему прямо въ глаза. Проходившій мимо мальчишка съ корзинкой, надѣтой на голову на подобіе кибитки, и въ запачканномъ кровью передникѣ—должно быть изъ мясной лавки—тоже остановился и изъ-за плеча дубленого тулупа заглянулъ въ записку. Тулупъ нахмурился и склонилъ на мальчишку глаза.

— Ты грамотный, что ли?—спросилъ онъ его.

— Нѣтъ, дяденька...

— Такъ что жъ носъ-то суешь? Проваливай! Что немъ-то стоять!

Мальчишка попятился.

— Туго написано. Попроси у господъ. Можетъ тѣ и смогутъ...—проговорилъ тулупъ, подавая мужику записку, и зашагалъ своей дорогой.

Мужикъ прошелъ нѣсколько шаговъ и хотѣлъ было попросить прочесть записку какую-то купчиху въ ковровомъ платкѣ и лисьемъ салопѣ, но та такъ и шарахнулась отъ него въ сторону. Онъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на нее и, погодя немного, тронулъ за кашюшонъ шинели какого-то проходящаго мужчину въ шляпѣ и очкахъ. Мужчина рѣзко обернулся, обмѣрилъ глазами кланяющагося мужика съ ногъ до головы и проговорилъ: „Богъ подастъ“, но потомъ, какъ бы

опомнившись, остановился и начал читать ему наставленіе.

— Эдакій здоровый мужикъ, и просишь! Не стыдно тебѣ? Шель бы работать. Ёхаль бы въ деревню, чѣмъ по Петербургу-то слоняться. Поля бы обрабатываль.

Мужикъ стоялъ безъ шапки и часто моргалъ глазами. Вокругъ ихъ началъ уже собираться проходящій народъ, образовывалась кучка. Замѣтивъ слушателей, мужчина въ шляпѣ и очкахъ еще болѣе воодушевился и для вящаго шикю распахнулъ шинель. На шеѣ его блеснулъ станиславскій орденъ.

— Вотъ она, воля-то!—до кабаковъ доводитъ да до попрошайничанья!.. а тамъ и до воровства, до грабежа, до убійства!.. Ну, спрашивается, что тебѣ не сидѣлось въ деревнѣ? Нѣтъ, для простаго народа еще рано волю... ему еще нужно тѣлесное наказаніе!—воскликнулъ онъ ни въ селу, ни къ городу, обращаясь уже болѣе не въ мужику, а къ возрастающей толпѣ.

— Это точно-съ...—проговорилъ какой-то мастеровой, сморкнулся въ руку и отеръ ее о чуйку.

Въ заднихъ рядахъ толпы слышалось слово „мазурикъ“. Кто-то рассказываль, что мужикъ „выудилъ у барина платокъ изъ кармана“. „Жел-

тый съ крапинками“, добавляла какая-то женщина, а подѣхавшій на дрожкахъ извозчикъ, взгромоздясь на линейку, кричалъ: „Такъ что жъ на него смотрѣть-то? Волоките его въ участокъ—да и дѣлу шабашъ!“

Съ другой стороны улицы городской замѣтилъ толпу и тотчасъ же явился, чтобъ разогнать ее, но, увидавъ представительную личность оратора и орденъ на его шеѣ, тотчасъ же вытянулся передъ нимъ и приложилъ подъ козырекъ.

— Въ чемъ дѣло, ваше высокоблагородіе?

— Да вотъ, попрошайничаетъ!—кивнулъ онъ на мужика.—Только ты его, любезный, не бери. Пусть его идетъ своей дорогой. Ты сдѣлай ему лучше внушеніе.

— Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, намъ такъ невозможно...—проговорилъ городской.—Намъ вѣлѣно не допускать... Нынче строго... Проходите, господа! Проходите своей дорогой! Нечего тутъ толпиться!..—началъ онъ разгонять народъ, и какого-то глазѣющаго мастерового въ халатѣ взялъ даже за шиворотъ и пихнулъ въ сторону.

Толпа разошлась. Ораторъ, запахнувъ орденъ, зашагалъ также своей дорогой, а мужикъ съ непокрытой головой стоялъ передъ городвымъ.

— Накрывайся и ступай!—скомандовалъ городской.—Побирошничать!.. Я тебѣ покажу!..

Мужикъ шелъ прямо. Городовой слѣдовалъ за нимъ. Дойдя до угла, онъ крикнулъ мужику: „стой!“ Мужикъ остановился.

— Что въ мѣшкѣ? Кажи!

— Пожитки, родименькій! Рубашонка, порты да хлѣбушко...Сейчасъ только съ чугулки...—говорилъ мужикъ, снова снявъ шапку и кланаясь.

Городовой посмотрѣлъ въ мѣшокъ. Въ мѣшкѣ, дѣйствительно, оказалось все то, что говорилъ мужикъ.

— Пожитки! Знаемъ мы эти пожитки-то! Сейчасъ съ чугулки и ужъ христарадничать! Такъ, братъ, не много въ Питерѣ напляшешь. За эго у насъ сейчасъ по этапу, для водворенія.

Мужикъ испугался; онъ понялъ, въ чемъ дѣло.

— Нешто я Христа ради? Боже избави, родименькій!—забормоталъ онъ.—Я барину записку давалъ разобрать, что тамъ прописано... Во она. На, гляди. Нешто мы за тѣмъ? Мы въ Питеръ пріѣхали на заработки, за пропитаніемъ, да вотъ по этой запискѣ дочку отыскать да земляка. Разбери, родимый служивый, ради Христа.

Городовой взялъ записку и по складамъ прочелъ:— „на Лиговеѣ, домъ Харламова, крестьянка

Анна Герасимова въ услуженіи у его боголюбія, господина купца Хапова“.

— Это дочь твоя будетъ, что ли?

— Дочка, служивенькій.

— А пачпортъ при тебѣ?

— При мнѣ, при мнѣ, родименькій. Въ мѣшкѣ.

— Ну, вотъ тебѣ дорога. Ступай прямо по капавѣ. Третій домъ отъ угла. Да смотри, милостыни не просить и господь не беспокоить! Нынче насчетъ этого строго. Сейчас заберуть.

Мужикъ покловился въ поясъ, пошелъ по Лиговкѣ и долго еще шелъ съ непокрытою головою. По тротуару онъ уже боялся идти, и шелъ посреди улицы.

— Эй, ты, деревня! Сторонись! задавлю! — крикнулъ на него извозчикъ.

Мужикъ еле успѣлъ отскочить въ сторону.

На Лиговкѣ, у большого каменнаго дома, стоялъ франтоватый дворникъ въ передникѣ, фуфайкѣ и дутыхъ сапогахъ. Въ рукахъ его была метла. Онъ отгонялъ извозчиковъ, толпившихся у воротъ. По счету, домъ этотъ былъ третій отъ угла. Мужикъ остановился.

— А что, землячокъ, не здѣсь ли живетъ Анна Герасимовна?—спросилъ онъ дворника.

— Анна Герасимовна? Въ услуженіи, что ли, она?

— Да; въ услуженіи, у купца. У васъ купцы-то стоятъ?

— Мало ли у насъ купцовъ стоитъ! Какъ фамилія-то? Какъ зовутъ купца-то?

— Да вотъ тутъ у меня прописано... Грамотные?

— Намъ неграмотнымъ быть нельзя, потому — мы главные дворники... — съ достоинствомъ отвѣтилъ дворникъ и взялъ записку. — Купецъ Хаповъ у насъ есть... Анна Герасимова!.. Ты пріѣзжай, что ли?

— Сейчасъ только съ чугушки.

Начались разспросы — какой губерніи, какого уѣзда, „чьихъ господъ были?“ Дворникъ оказался мужику землякомъ. Припомнились какая-то Хабаровка, какой-то Разуваевъ, кабакъ и дьячокъ-конокрадъ.

— Ну, какъ у васъ нонче хлѣба были? Плохи?... Мужикъ вздохнулъ.

— Каки хлѣба! И не сѣяли, — отвѣчалъ онъ: — сѣмянъ не было... Почитай вся деревня разбрелась: кто побирается, кто такъ гдѣ... Вотъ и я тоже въ Питеръ поработать пріѣхалъ. Авось,

Богъ дастъ... Не услышишь ли, землячокъ, дрова бы складывать, али колоть...

— Теперь не слыхать... А тамъ зайти. Спроси Митрофана Иванова, всякій укажетъ. Мы за- всегда тутъ. Только нонче трудно насчетъ работы, потому—народу этого самого страсть что навалило.

— Что ужъ только и будетъ! Свѣтопредставленіе просто!—опягъ вздохнулъ мужикъ и поникъ головой.

— Анна Герасимова! Какая же это Анна Герасимова?—твердилъ дворникъ, глядя на записку.

Изъ кабака того же дома вышелъ мастеровой съ ремешкомъ на головѣ и подошелъ къ дворнику. Онъ былъ въ халатѣ, опоркахъ и чавкалъ какую-то соленую рыбу.

— Анну Герасимову разыскиваютъ. У купца Хапова! Какая така!—спросилъ его дворникъ.

— Анютку, офицершу, нешто не знаешь? У Хапова въ нянькахъ жила...

— А, офицерша!—ослабился дворникъ.—Была Анна Герасимова, да выбыла...—обратился онъ къ мужику.

— Родня тебѣ, что ли?

— Дочка.

— Ну, такъ стой же, я тебѣ скажу, куда она отмѣчена. Погодь маненько.

Дворникъ ткнулъ въ бокъ мастерового и пошелъ съ нимъ подъ ворота. Мастеровой хохоталъ, трясъ головой и махалъ руками. Минуть черезъ десять дворникъ вынесъ адресъ, куда отмѣчена Анна Герасимова, и сталъ рассказывать мужику путь, какъ идти. Идти нужно было куда-то въ Коломну... Адресъ земляка, который дворникъ тоже прочиталъ мужику, оказался ближе, и потому мужику, разспросивъ куда и какъ идти, рѣшилъ сначала разыскать земляка, а уже при помощи его, какъ питерскаго человѣка, разыскать потомъ и дочь. Къ тому же слѣдующій день былъ воскресный, не рабочій. Мужикъ отправился.

II.

„Языкъ до Кіева доведетъ“, говоритъ русская пословица. Поспрашивая у проходящихъ, но уже всячески избѣгая „баръ“, мужикъ нашелъ тотъ домъ, гдѣ жилъ землякъ. Землякъ мужика—портной штучникъ, Парфенъ Даниловъ, жилъ въ Апраксиномъ переулкѣ, въ одномъ изъ грязнѣй-

шихъ и многолюднѣйшихъ домовъ. Въ домѣ жило много портныхъ. Найдя домъ, мужикъ долго не могъ сыскать Парфена Данилова. Онъ спрашивалъ у проходящихъ по двору, тѣ указывали на пять, на шесть квартиръ, гдѣ жили портные, и въ концѣ концовъ отсылали къ дворнику; нѣкоторые даже подводили его къ самой дворницкой, но мужику пришлось созерцать только запертую всячимъ замкомъ дверь съ надписью: „къ дворнику“, ручку отъ колокольчика съ порванною проволокой и прислоненныя къ стѣнѣ метлу и лопату... Онъ рѣшился ходить по указаннымъ квартирамъ, съ полчаса бродилъ по разнымъ заднимъ дворамъ, мимо навозныхъ и помойныхъ ямъ, взбирался по скользкимъ лѣстницамъ, въ пятыя и чуть не въ шестыя этажи, натыкался на помойныя ушаты и стучался въ двери, но Парфень Даниловъ все-таки не отыскался.

— Здѣсь народу много живетъ, почитай—тыщевъ семь, потому домъ большой, и портныхъ тоже много...—отвѣчали мужику портные, въ квартиры которыхъ онъ стучался.

Нѣкоторые совѣтовали обратиться въ домовую контору, а какая-то баба, встрѣтившаяся съ нимъ на лѣстницѣ и несшая изъ мелочной лавочки